

А. П. Лебедев

**История Греко-восточной церкви под
властью турок**

Издание 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. П. Лебедев**
История Греко-восточной церкви под властью турок: Издание 2 / А. П. Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 854 с.

ISBN 978-5-4241-8348-5

От падения Константинополя до настоящего времени.

ISBN 978-5-4241-8348-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ist wohl kein Volck, welches mehr Liebe und Hochachtung gegen seine Kirche habe, als die Griechen.

«Не существуетъ народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, чѣмъ Греки».

Heineccius, Oberpfarrer (XVIII вѣка).

В В Е Д Е Н І Е.

Если отъ кого мы вправѣ ожидать серьезнаго и разнообразнаго изученія греческой церковной жизни послѣднихъ четырехъ столѣтій, то конечно отъ Грековъ. Греки обязаны и сами хорошо знать исторію своей церкви и давать способы ознакомляться съ нею и не-Грекамъ. Каждый народъ только самъ можетъ должнымъ образомъ изучать прошедшее своей исторической жизни. Мы—Русскіе изучаемъ и знаемъ церковную исторію своей родины такъ, какъ никто, никакой другой народъ на свѣтѣ; тоже должно сказать о каждой другой просвѣщенной націи по отношенію къ изученію ея своей исторіи. Французъ, Англичанинъ знаютъ свою исторію наилучшимъ образомъ по сравненію съ тѣмъ, какъ знаютъ ее другіе народы. И это вполнѣ естественно. Если „и дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ“, то тѣмъ болѣе для насъ дорого все родное и настоящее, и прошедшее въ исторической жизни и развитіи общества. Мало того: только самъ народъ, который пережилъ свое прошедшее и въ настоящее время живетъ въ связи съ преданіями своей родной старины, только этотъ народъ и способенъ надлежащимъ образомъ понимать и воскрешать въ памяти вѣрный образъ былого. Истины извѣстныя. Поэтому, мы вправѣ ожидать—повторяемъ,—что и Греки прошедшихъ временъ хорошо знали

свою болѣе раннюю исторію, или точнѣе: церковную исторію, такъ какъ только объ этой послѣдней у насъ рѣчь, — и что Греки нашего времени еще лучше знаютъ и изслѣдуютъ прошедшую свою родную исторію. Но надежды наши въ этомъ отношеніи не совсѣмъ оправдываются. Греки прежнихъ временъ очень не старательно и не очень внимательно изучали свою родную исторію; не очень-то большихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи достигли Греки и нашего времени. Прежніе вѣка мало имѣли историковъ, занимавшихся сколько-нибудь серьезно дѣломъ изученія прошлой церковно-исторической жизни. Такихъ можно насчитать пожалуй только двоихъ: Досиоея, патріарха іерусалимскаго и Мелетія, митрополита аѳинскаго. Оба они жили въ одно и тоже время — во второй половинѣ XVII вѣка и умерли въ началѣ XVIII-го. Первый написалъ „Исторію іерусалимскихъ патріарховъ въ 12 книгахъ“ (на самомъ же дѣлѣ это есть исторія не одного іерусалимскаго патріархата, а всей церкви); второй озаглавилъ свой трудъ: „Церковная Исторія“. Несомнѣнно оба они очень полезные церковные историки. Но если мы узнаемъ, какъ составлялись, издавались и печатались названные историческіе труды Досиоея и Мелетія, то мы отлично поймемъ, что въ ихъ время и въ эпоху ближайшую къ нимъ на исторію смотрѣли съ замѣчательною беззаботностію, разумѣется, не случайно, а составлявшею характеристическую черту времени. Какъ сознается Досиоей іерусалимскій, онъ не самъ сполна написалъ свой трудъ, но въ основу его положилъ готовое рукописное сочиненіе извѣстнаго Паисія Лигарида (латинофрона, по отзыву Досиоея) ¹⁾; въ свою очередь трудъ Досиоея прежде печатанія былъ исправленъ и усовершенъ издателемъ его Хрисанеомъ, патріархомъ іерусалимскимъ, преемникомъ Досиоея по кафедрѣ и его племянникомъ ²⁾. Спрашивается: чье же въ дѣйствительности произведеніе мы имѣемъ подъ именемъ Досиоея? Лигаридово? Досиоеево? или же Хрисанеово? Авторитетъ и характеръ каждаго изъ числа этихъ трехъ лицъ (Лигарида, Досиоея и

¹⁾ Δοσιθέου. Ιστορία περί τῶν ἐν Ἱεροσολ. πατριάρχουσάντων. Βιβλ. 11, σελ. 1180. In. fol., Бухарестъ, 1715.

²⁾ Какъ это видно изъ самаго заглавія Досиоеевой исторіи, пространно изложеннаго.

Хрисанеа) не одинаковы; а между тѣмъ, руководясь главнымъ образомъ нашими свѣдѣніями объ авторитетѣ и характерѣ историческаго повѣствователя, мы составляемъ критерій, которымъ пользуемся при опредѣленіи степени достовѣрности извѣстій или достоинства изысканій даннаго историка. Такимъ образомъ, при первомъ же знакомствѣ съ Досиѣевою исторіей, мы встрѣчаемся съ препятствіями, которыя лишаютъ насъ возможности рѣшить существенный вопросъ: съ какой степенью довѣрія мы можемъ полагаться на составителя указанной исторіи, какъ на историческаго свидѣтеля. Пользоваться подобнымъ трудомъ, какъ историческимъ памятникомъ, мы можемъ собственно только подъ условіемъ строжайшей провѣрки показаній, заключающихся въ этомъ произведеніи. Легкое ли это дѣло вообще, для иностранца въ особенности?—Не меньшія затрудненія испытываетъ историкъ нашего времени, если онъ захочетъ взять въ помощники своего дѣла и Мелетія аѣинскаго. Мелетій умеръ, не напечатавъ своего труда. Этотъ послѣдній долго лежалъ безъ всякаго употребленія въ одной константинопольской бібліотекѣ, пока въ концѣ XVIII вѣка одинъ любитель науки случайно не наткнулся на рукопись, изумляясь открытію такъ, какъ будто бы онъ открылъ невѣдомую Америку. Затѣмъ этотъ любитель науки издалъ рукопись въ свѣтъ. Но спрашивается: какъ онъ издавалъ ее? Совершенно необыкновеннымъ образомъ. Найдя рукопись, любитель просвѣщенія отдалъ ее для приведенія въ порядокъ и исправленія какому-то Іоанну Палеологу, который не столько исправилъ ее, сколько исказилъ; въ виду этого, лице, обрѣтшее рукопись, вынуждено было передать ее еще третьему посреднику для той-же цѣли—нѣкому Георгію Вендотису, который подвергъ Мелетіеву исторію безконтрольной редакціи ¹⁾. Спрашивается: въ какомъ видѣ исторія Мелетія вышла изъ рукъ ея творца? Сколь много причинилъ ей вреда Палеологъ? И насколько къ лучшему работалъ надъ нею Вендотисъ? Какой авторитетъ можетъ имѣть исторія Мелетія въ наукѣ? Вмѣсто того, чтобы слу-

¹⁾ Мелетίου, Μητροπολ. Ἀθηνῶν. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία. Προλεγόμενα, σελ. 7—10. Τόμ. I. Βῆνα, 1783.

жить контролемъ вѣрности и точности свѣдѣній откуда-либо нами заимствуемыхъ, она сама нуждается въ строжайшемъ контролѣ и должна пробуждать неискоренимый скепсисъ.

Не въ лучшемъ положеніи очутится иностранный ученый, изучающій исторію греческой церкви новѣйшихъ временъ и въ томъ случаѣ, если онъ обратится за необходимыми уроками къ современнымъ греческимъ ученымъ, даже извѣстнѣйшимъ между ними. Помощь ихъ будетъ очень сомнительна, а иногда не будетъ оправдывать и самыхъ скромныхъ надеждъ. Оказывается, что и современные греческіе ученые, долгъ которыхъ хорошо и обстоятельно знать свою родную исторію и—въ этомъ отношеніи помогать своими совѣтами ученымъ негреческой національности,—въ своихъ познаніяхъ не стоятъ на высотѣ призванія. Для примѣра остановимся на одномъ, очень извѣстномъ современномъ греческомъ историкѣ, имя котораго на устахъ у cadaго, занимающагося греческой исторіею, историкѣ, несомнѣнно оказавшемъ большія услуги по части изученія этой послѣдней, къ трудамъ котораго и мы сами очень часто будемъ прибѣгать въ дальнѣйшихъ нашихъ рѣчахъ; говоримъ объ аѳинскомъ ученомъ,—кажется, еще и теперъ здравствующемъ—Константинѣ Сатѣ. Какъ ни цѣнны для изученія греческой исторіи разныя изданія и ученые труды Константина Саты, однакожъ требуется большая осторожность, чтобы избѣжать тѣхъ поразительныхъ ошибокъ и заблужденій, въ какія нерѣдко впадаетъ ново-греческій ученый въ своихъ трудахъ. Одинъ, очень почтенный греческій-же ученый, архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872), жившій на европейскомъ Западѣ, говорилъ о Сатѣ, что этотъ послѣдній очень не надежный руководитель для изучающихъ греческую церковную исторію новѣйшаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ названнаго греческаго архимандрита Димитракопула, Сата, говоря о греческихъ ученыхъ нашего времени, по невнимательности къ своему дѣлу „воскрешаетъ много мертвыхъ и хоронитъ много живыхъ“ (т. е. пишетъ о живыхъ, причисляя ихъ къ умершимъ, а о умершихъ, причисляя ихъ къ живымъ). Еще тяжеле погрѣшаетъ Сата, когда дѣлаетъ ученія

разъясненія о лицахъ, давно умершихъ, но замѣчательныхъ въ исторіи греческой церкви: однихъ изъ такихъ—совершенно православныхъ онъ объявляетъ еретиками, а другихъ—неправославныхъ, аттестуетъ какъ людей чистѣйшаго православія, хотя еретичество первыхъ съ точки зрѣнія болѣе внимательнаго изслѣдователя есть невѣроятный абсурдъ, а православіе вторыхъ для такого же изслѣдователя болѣе, чѣмъ сомнительно ¹⁾. Впрочемъ и безъ указаній греческаго критика Димитракопула, не трудно усмотрѣть, что Сата дѣйствительно принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, жребій которыхъ впадать въ непозволительныя ошибки, тѣмъ болѣе опасныя, что онѣ легко могутъ переходить въ книги иностранныхъ ученыхъ, полагающихся на авторитетъ этого неутомимаго писателя. Представимъ нѣсколько любопытныхъ обращеній блужданій авторитетнаго греческаго ученаго—въ его изслѣдованіяхъ. Въ 1870 году, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, дѣлая замѣчанія о хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея монемвасійскаго (XVI в.), К. Сата заявляетъ слѣдующее: „замѣчательно, что патріархъ Константинопольскій, синаитъ (прошедшаго вѣка), въ сочиненіи: Константинопольскій синаитъ впадаетъ въ двойную ошибку относительно автора указанной хронографіи, ибо онъ погрѣшительно считаетъ авторомъ этой хронографіи *Дороея*, митрополита монемвасійскаго, а потомъ, стараясь поправить эту ошибку, впадаетъ въ новую“ и т. д. ²⁾. А чрезъ два года, именно въ 1872 году, тотъ же Сата, но въ другомъ своемъ сочиненіи, по этому же вопросу объ авторѣ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея,—говоритъ совсѣмъ обратное, т. е. то самое, за что онъ порицалъ патріарха Константія, какъ писателя и ученаго; именно въ этомъ, другомъ, сочиненіи аѳинскій ученый дѣйствительнымъ авторомъ разсматриваемой хронографіи считаетъ не другаго кого, какъ *Дороея* монемвасійскаго и въ доказательство говоритъ вотъ что: „во всей хронографіи совсѣмъ не упоминается Дороей, митроп. монемвасійскій, напротивъ объ

¹⁾ Проф. И. Е. Троицкаго. Труды архимандрита Андроника Димитракопула. «Христ. Чтеніе», 1873, т. III, стр. 635, 614—15, 622—623.

²⁾ Σάβας. Βιογραφικὸν κριτικὸν περὶ τοῦ Πατριάρχου Ἱερωνίου Β': Παράρτημα, σελ. 3. Аѳины, 1870.

Іерооѣ монемвасійскомъ весьма часто здѣсь сообщаются такія свѣдѣнія, которыхъ другой никто знать не могъ; этотъ послѣдній крѣпко стоялъ за гонимаго патріарха Іеремію II-го и былъ его спутникомъ въ путешествіи въ Россію“, въ 1588—1591 году ¹⁾. Итакъ въ этихъ словахъ Сата считаетъ совершенно вѣрнымъ то, что признавалъ ученый патріархъ Константій и что незадолго предъ этимъ объявлялъ за ошибку аѣинскій ученый. Спрашивается: что же составляетъ правильное мнѣніе, истину—то ли, что Сата принималъ въ 1870 году или же то, что онъ сталъ признавать съ 1872 года? То, что онъ началъ утверждать съ 1872 года, ибо это мнѣніе о писателѣ хронографіи сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ (на это мы имѣемъ факты). Итакъ оказывается, что патріархъ константинопольскій Константій еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ написалъ свою „Константиаду“, держался совершенно правильныхъ воззрѣній на автора хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея. А аѣинскій ученый, пиша уже въ 1870 году, не только не счумѣлъ оцѣнить ученаго открытія патріарха константинопольскаго, но еще надѣлалъ ему упрековъ. Какъ назвать такого ученаго? Легкомысленнымъ? Думаемъ, что такъ. Какимъ руководителемъ и наставникомъ иностранныхъ историковъ, изучающихъ греческую исторію, можетъ быть такой ученый, которому они, по народному выраженію, по истинѣ должны бы отдать „и книги въ руки“, но который открытыми глазами взирая на научную истину, вмѣсто нея провозглашаетъ ложь? Разумѣется, очень не надежнымъ. —Еще другой, не менѣе любопытный примѣръ ученыхъ кривотолковъ Саты. Въ третьемъ томѣ своей „Греческой Библіотеки“ аѣинскій изслѣдователь пишетъ слѣдующее о вышеуказанномъ нами греческомъ церковномъ историкѣ Мелетіи аѣинскомъ: Мелетій „имѣлъ своимъ сотрудникомъ Хрисанѣа, родственника и преемника Досіѣева по трону патріаршему въ Іерусалимѣ“. Къ этимъ словамъ подъ строкой еще сдѣлано примѣчаніе, гласящее: „къ нему (ясно къ Хрисанѣу)

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol. III, Πρόλογος σελ. XVII Venetiis, 1872.

Мелетій послалъ на просмотръ неизданный автографъ его (т. е. чей? свой собственный?), находившійся въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ. По сей причинѣ" и пр.¹⁾ Всѣ эти извѣстія ученаго Сата представляютъ сущій вздоръ, достойный незабвенной памяти извѣстнаго героя комедіи—Ивана Александровича Хлестакова. Мелетій аѣинскій не имѣлъ Хрисанѣа сотрудникомъ въ своей церковно-исторической работѣ, ибо Хрисанѣъ былъ сотрудникомъ дяди своего Досиѣея, автора сочиненія: „Исторія іерусалимскихъ патріарховъ“, а вовсе не сотрудникомъ Мелетія; въ святогробской константинопольской библіотекѣ Мелетій своего собственнаго сочиненія не открывалъ и не посылалъ его къ Хрисанѣу, ибо при жизни не имѣлъ никакой нужды сдавать свой трудъ въ архивъ. Всѣ ошибки Сата произошли отъ феноменальной его безпамятности. Въ другомъ своемъ произведеніи, явившемся въ свѣтъ на 4 года раньше третьяго тома „Греческой Библіотеки“, авторъ, т. е. Сата, очень правильно рассказывалъ всю исторію открытія и изданія Мелетіева сочиненія. Здѣсь говорится, что рукопись Мелетія подлинно была открыта въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ, но открыта она спустя 60 лѣтъ по смерти митрополита аѣинскаго и спустя 35 лѣтъ по смерти Хрисанѣа. Значитъ посылать свою рукопись къ Хрисанѣу Мелетій не могъ, ибо оба они были въ это время въ мірѣ загробномъ. Да и вообще по открытіи рукописи, она совсѣмъ ни куда не посылалась и надолго оставалась въ Константинополѣ. Дальнѣйшая ея судьба тоже хорошо извѣстна²⁾. Итакъ мы встрѣчаемся съ печальной истиной. Сата въ третьемъ томѣ указанной „Греческой Библіотеки“ наговорилъ небылицъ объ исторіи Мелетія аѣинскаго единственно потому, что окончательно забылъ то, что онъ самъ писалъ о ней назадъ тому. 4 года, а взглянуть въ свою собственную книгу и навести въ ней справку, когда онъ составлялъ III-ій томъ „Греческой Библіотеки“, ему не захотѣлось или не пришло на умъ. Такъ пишется исторія... Научнымъ чутьемъ историка и критика К. Сата

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, Πρόλογ. σελ. XXI.

²⁾ Σάθα Νεοελληνική φιλολογία, σελ. 392. Афины, 1868 г.

обладаетъ въ самой незначительной степени. Такъ, печатая открытый имъ памятникъ—„Церковную Исторію“, охватывающую второе полустолѣтіе XVIII вѣка греческой церкви и написанную современникомъ, Сергіемъ Макреемъ, Сата чувствуетъ большое упоеніе отъ доставшагося ему счастья издать этотъ памятникъ. Онъ говоритъ о самомъ Макреѣ, что „это—единственное лицо, достойное имени историка“; объ исторіи же, написанной Макреемъ, замѣчаетъ: „исторія эта должна быть разсматриваема, какъ одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ памятниковъ эллинизма, находившагося подъ господствомъ Турокъ»¹⁾. Но въ дѣйствительности нѣтъ надобности быть издателемъ исторіи Макрея, т. е. человѣкомъ, хорошо изучившимъ издаваемую въ свѣтъ рукопись, достаточно быть лишь человѣкомъ съ небольшимъ историческимъ вкусомъ и прочесть содержащееся въ произведеніи Макрея, чтобы признать слѣдующее: Исторія Макрея есть не исторія, а второстепенныхъ качествъ мемуаръ, не могущій претендовать на особенно высокое мѣсто въ ряду достойныхъ своего имени историческихъ сочиненій. (Впрочемъ подробнѣе о Макреѣ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ).

Разсуждая такъ о старинныхъ греческихъ историкахъ и въ особенности о новѣйшемъ и знаменитомъ греческомъ ученомъ Константинѣ Сатѣ, мы однакожъ вовсе не хотимъ осуждать и порицать ихъ труды, во многомъ полезные. Мы сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣтокъ о вышеуказанныхъ писателяхъ съ другою цѣлю. Если, какъ мы старались показать, старинные греческіе церковно-историческіе труды, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не обладаютъ должнымъ авторитетомъ въ глазахъ иностранца, пишущаго по исторіи греческой церкви, и если Сата такъ часто обманываетъ надежды этого послѣдняго, то можно ли признать благопріятнымъ положеніе не-греческаго ученаго, изслѣдующаго чуждую ему историческую среду? Нѣтъ, его положеніе очень затруднительно. Какая непріятная перспектива открывается для него къ своимъ собственнымъ ошибкамъ и погрѣшностямъ (безъ которыхъ не обойдешься) присоединить ошибки греческихъ истори-

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca. Jbid., σελ. 24, 85.

ковъ въ особенности нашего времени, которые имѣютъ всѣ средства сокращать до минимума свои ошибки, но которые, какъ на грѣхъ, распространяютъ ихъ и тамъ, гдѣ имъ не должно бы быть мѣста! Сколько ошибокъ можно сдѣлать совершенно невольно, полагаясь, напримѣръ, на авторитетъ Саты! И русская литература своимъ горькимъ опытомъ уже въ самомъ дѣлѣ доказала—и не разъ, какъ опасно полагаться на слова знаменитаго аеинскаго историка. Представимъ себѣ такой случай: иностранецъ, пишущій по греческой церковной исторіи, имѣетъ подъ руками то сочиненіе Саты, гдѣ утверждается, что неправильно считать авторомъ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея, не самого Дороея, а не имѣетъ подъ руками того сочиненія Саты, гдѣ это воззрѣніе опровергается и восстанавливается истина—и вотъ у иностранца промахъ; или: если тотъ же иностранецъ прочтетъ новое сочиненіе Саты, гдѣ сообщаются невѣрныя извѣстія объ исторіи Мелетія аеинскаго, а не прочтетъ болѣе стараго сочиненія того же автора, гдѣ изложены точныя свѣдѣнія относительно указанной исторіи—опять у иностранца промахъ, и очень постыдный. Но скажите: можно ли требовать отъ иностранца, чтобы онъ обладалъ всѣми книгами, изслѣдующими исторію чужой страны и не довѣрялъ туземцамъ этой, изслѣдуемой имъ, страны? Не было ли бы подобное требованіе слишкомъ притязательнымъ? Полагаемъ, что такъ. Поэтому, указывая на неизвинительныя ошибки Саты, мы только и хотимъ заявить о трудностяхъ, принимаемаго нами на себя, дѣла. Наша рѣчь о Сатѣ должна быть разсматриваема какъ *captatio benevolentiae*, обращенная въ сторону слишкомъ строгихъ читателей предлагаемыхъ очерковъ. Что наши очерки не будутъ свободны отъ ошибокъ—это несомнѣнно; но нужно брать во вниманіе условія, при какихъ возникалъ самый трудъ...

Еще болѣе ошибокъ предстоитъ намъ надѣлать по исторіи Турціи. Писать о положеніи Грековъ въ Турціи, не имѣя основательныхъ руководствъ по политической и религіозной исторіи Турокъ—не легко и сопряжено съ опасностями. Подобныхъ трудовъ мы опять вправѣ были бы ожидать отъ Грековъ, столь давно живущихъ или еще недавно жившихъ подъ оттоманскимъ владычествомъ. Но

сдѣлано ли что-либо Греками въ этомъ отношеніи? Сомнительно. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось слышать о какой либо исторіи Турокъ, написанной Греками и пользующейся солидной ученой репутаціей. Между тѣмъ руководство Грековъ въ этомъ случаѣ—нѣтъ сомнѣнія—было бы для насъ очень полезно. Греки живутъ или недавно жили среди Турокъ и лучше другихъ знаютъ характеръ этихъ послѣднихъ, между Греками нерѣдко встрѣчаются люди, знающіе трудный турецкій языкъ, для нихъ удобнѣе собирать книги по исторіи Турціи и прилагать ихъ къ научному дѣлу. А какъ скоро ничего серьезнаго Греками не сдѣлано по этой части, иностранецъ, изучающій греческую церковную исторію турецкаго періода, терпитъ многоразличныя затрудненія. Какъ съумѣетъ подобный иностранецъ разобраться въ запутанныхъ вопросахъ объ отношеніи Турокъ къ христіанамъ, подданнымъ падишаха, и христіанъ къ турецкому правительству и народу? Иностранная и русскія пособія въ данномъ случаѣ не могутъ приносить всей пользы, потому что они держатся неодинаковыхъ воззрѣній и равно недостаточно компетентны. Въ рассматриваемой, т. е. не-греческой литературѣ, возникаетъ вопросъ о томъ: нужно ли считать владычество Турокъ несчастіемъ для греко-христіанской націи, или же оно было скорѣе благомъ для нея, чѣмъ бѣдствіемъ? Повидимому, такого вопроса не должно бы и существовать; но на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ и рѣшается неодинаково — и притомъ, повидимому, не безъ основаній ¹⁾. Далѣе: чѣмъ слѣдуетъ объяснять деспотическія отношенія Турокъ къ подвластнымъ христіанамъ (а такія отношенія фактъ общеизвѣстный)? Тѣмъ ли, что Турки грубы, а главное — фанатичны, какъ приверженцы ислама, или же тѣмъ, что они завидуютъ богатству и процвѣтанію подвластныхъ имъ Грековъ и вообще христіанъ

¹⁾ Въ дальнѣйшей рѣчи нашего «введенія» читатель встрѣтитъ много голословныхъ указаній, не подтвержденныхъ соотвѣтствующими цитатами. Это потому, что еслибы всѣ эти указанія мы стали подтверждать цитатами (и выдержками изъ книгъ), то половина введенія состояла бы у насъ изъ цитатъ, что однакожь я считаю педантизмомъ. Замѣчу одно: вся дальнѣйшая рѣчь введенія основана на документахъ и авторитетныхъ показаніяхъ: тѣ и другія найдутъ мѣсто впоследствии. Здѣсь же, т. е. во введеніи, мы ограничимся лишь необходимѣйшими ссылками.